

М В О З Л К Д

Восточная
Библиотека
имени
В. И. Ленина

№ 8 Журнал ЦК ВЛКСМ для школьников младших классов
АВГУСТ 1945

63
ЛК Д

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ТРИЖДЫ ОРДЕНОНОСНЫЙ ЛЕНИНСКО-СТАЛИНСКИЙ КОМСОМОЛ!

ТРИ ОРДЕНА

14 июня 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил ленинско-сталинский комсомол орденом Ленина. Это третья высокая награда, полученная комсомолом.

За боевые заслуги на фронтах гражданской войны комсомол был награжден орденом Красного Знамени.

Через несколько лет правительство

наградило комсомол вторым орденом — орденом Трудового Красного Знамени.

Третьим орденом — орденом Ленина — правительство наградило комсомол за то, что во время Великой Отечественной войны комсомольцы неустанно трудились на фабриках, шахтах, заводах, в колхозах и храбро сражались против немцев на фронте.

Рис. А. Ермолаева

Сергей Тюленин

XLVI-165

XX 63
— 11

(Отрывок из романа «Молодая гвардия». В этом романе писатель Фадеев описывает героическую борьбу мужественных комсомольцев Краснодона против немецких захватчиков.)

Дома Серёжа узнал об увозе раненых, оставшихся в больнице, и о гибели врача Фёдора Фёдоровича. Это произошло на глазах сестры Нади, она и рассказала Серёже, как это случилось.

К больнице подъехало две легковых и несколько грузовых машин с эсэсовцами, и Наталье Алексеевне, которая встретила их на улице, предложено было в течение получаса очистить помещение. Наталья Алексеевна сразу отдала распоряжение всем, кто может двигаться, переходить в детскую больницу, но всё же стала просить об удлинении срока переселения, ссылаясь на то, что у неё много лежащих больных и нет транспорта.

Офицеры уже садились в машины.

— Фенбонг! Что хочет эта женщина? — сказал старший из офицеров большому рыхлому унтеру с золотыми зубами и в очках в светлой роговой оправе. И легковые машины отбыли.

Эти очки в светлой роговой оправе придавали эсэсовскому унтеру вид, если не учёный, то, во всяком случае, интеллигентный. Но когда Наталья Алексеевна обратилась к нему со своей просьбой и даже попыталась говорить по-немецки, взгляд унтера сквозь очки прошёл как бы мимо Натальи Алексеевны. Сиплым голосом он позвал солдат, и они стали выбрасывать больных во двор, не дожидаясь, пока истекнут обещанные полчаса.

Они вытаскивали больных на матрацах или просто взяв подмышки и швыряли на газон во дворе. И тут обнаружилось, что в госпитале находятся раненые.

Фёдор Фёдорович, сказавшийся врачом больницы, пытался было объяснить, что это тяжело раненные, которые уже никогда не будут воевать и оставлены на гражданское попечение. Но унтер сказал, что если они военные люди, то они считаются военнопленными и их немедленно направят куда следует. И раненых стали срывать с постели в одном нижнем белье и швырять в грузовик, одного на другого, как попало.

Зная вспыльчивый характер Фёдора Фёдоровича, Наталья Алексеевна всё просила его уйти, но он не уходил, а всё стоял

в коридоре, в простёнке между окон. Его загорелое лицо тёмного блеска стало серым. Он всё перебирал губами остаток козьей ножки, и у него дрожало колено так, что он иногда нагибался и потирал его рукою. Наталья Алексеевна боялась отойти от него и просила Надю тоже не уходить, пока всё не будет кончено. Наде было жалко и страшно смотреть, как полураздетых раненых в окровавленных бинтах тащили по коридору, иногда просто волочили по полу; она боялась плакать, а слёзы сами собой катились из глаз её, но всё-таки она не уходила, потому что ещё больше того она боялась за Фёдора Фёдоровича.

И они не уследили. Двое немецких солдат тащили раненого, которому две недели тому назад Фёдор Фёдорович удалил разорванную осколком мины почку. Раненому было уже значительно лучше в последние дни, и Фёдор Фёдорович очень гордился этой операцией. Солдаты тащили раненого по коридору, и в это время унтер Фенбонг окликнул одного из них. Солдат бросил раненого, которого он держал за ноги, и убежал в палату, где находился унтер, а второй солдат потащил раненого волоком по полу.

Фёдор Фёдорович внезапно отделился от стены, и никто не успел уследить, как он уже был возле солдата, тащившего раненого. Этот раненый, как и большинство из них, несмотря на муки, какие он испытывал, не стонал, но когда он увидел Фёдора Фёдоровича, он сказал:

— Видал, Фёдор Фёдорович, что делают? Разве это люди?

И заплакал.

Фёдор Фёдорович что-то сказал солдату по-немецки. Наверно, он сказал, что так, мол, нельзя. И, наверно, сказал: дай, мол, я помогу. Но немецкий солдат засмеялся и потащил раненого дальше. В это время унтер Фенбонг вышел из палаты, и Фёдор Фёдорович пошёл прямо на

него. Фёдор Фёдорович вовсе сошёл с лица, и всего его трясло. Он почти надвинулся на унтера и что-то резко сказал ему. Унтер в чёрном мундире, собравшемся складками на его большом рыхлом теле, с блестящим металлическим знаком на груди, изображавшим череп и кости, захрипел на Фёдора Фёдоровича и ткнул его револьвером в лицо. Фёдор Фёдорович отшатнулся и ещё что-то сказал ему, наверно, очень обидное. Тогда унтер, страшно выпучив глаза под очками, выстрелил Фёдору Фёдоровичу прямо между глаз. Надя видела, как у него между глаз точно провалилось, хлынула кровь, и Фёдор Фёдорович упал. А Наталья Алексеевна и Надя выбежали из больницы, и Надя сама уже не помнила, как очутилась дома.

Надя сидела в косынке и в белом халате, как она прибежала из больницы, и снова и снова начинала рассказывать. Она не плакала, лицо у неё было белое, а маленькие скулы горели пламенем, и блестящие глаза её не видели тех, кому она рассказывала.

— Явился, шлёндра! — яростно кашлял отец на Серёжку. — Ей-богу, возьму да выдеру кнутом. Немцы в городе, а он шлёндрает где ни попало. Мало мать в могилу не свёл.

Мать заплакала.

— Я ж извелась за тобой. Думаю, убили.

— Убили! — вдруг зло сказал Серёжка. — Ме-

ня не убили. А раненых убили. В Верхнедуванной роще. Я сам слышал...

Он прошёл в горницу, где спал, и кинулся на кровать, в подушку. Мстительное чувство сотрясало всё его тело. Серёжке трудно было дышать. «Обождите, пусть только стемнеет!» думал Серёжка, корёжась на постели. Никакая сила уже не могла удержать его от того, что он надумал.

Спать легли рано, не зажигая света, но все были так возбуждены, что никто не спал. Не было никакой возможности уйти незаметно. Он вышел открыто, будто идёт во двор, и шмыгнул в огород. Руками он раскопал одну из ямок, где спрятаны были бутылки с горючей смесью, — ночью опасно было копать лопатой. Он слышал, как звякнула дверь из хаты, вышла сестра Надя и тихо позвала его несколько раз:

— Серёжа!.. Серёжа!..

Она подождала немного, позвала ещё раз, и дверь снова звякнула, — сестра ушла.

Он сунул по бутылке в карманы штанов и одну за пазуху, и во тьме июльской душной ночи, обходя шанхайчиками центр города, снова пробрался в парк.

В парке было тихо, пустынно. Но особенно тихо было в здании школы, куда он проник через окно, выдавленное днём. И в здании школы было так тихо, что каждый его шаг, казалось, слышен был не только в здании, но и во всём городе. В высокие проёмы окон на лестнице вливался снаружи какой-то смутный свет. И когда фигура Серёжки возникла на фоне одного из этих окон, ему показалось, что кто-то, затаившийся в углу во тьме, теперь увидит и схватит его. Но он пересилил страх и вскоре очутился на своём наблюдательном пункте на чердаке.

Некоторое время он посидел у оконца, сквозь которое теперь ничего не было видно, — посидел просто для того, чтобы перевести дух.

Потом он нащупал пальцами гвоздики, которые держали раму окна, отогнул их и тихо вынул раму. Свежий воздух пахнул на него — на чердаке всё ещё было душно. После темноты школы и особенно этого чердака он уже мог различать то, что происходило перед ним на улице. Он слышал движение машин по городу и видел движущиеся, приглушённые огни их фар. Непрерывное движение частей от Верхнедуванной продолжалось и ночью. Там, на всём протяжении дороги, видны были светящиеся в ночи фары.

У главного подъезда к зданию треста шла военная ночная жизнь. Подъезжали машины, мотоциклетки. Всё время входили и выходили офицеры и солдаты, бряцая оружием и шпорами, слышался чуждый, резкий говор. Но окна в здании треста были затемнены.

Все чувства Серёжки были так напряжены и так направлены в одну цель, что это новое, непредвиденное обстоятельство — то, что окна были затемнены, — не изменило его решения. Так он просидел возле этого оконца часа два, не меньше. Всё уже стихло в городе. Движение возле здания тоже прекратилось, но внутри его ещё не спали — Серёжка видел это по полоскам света,

выбывавшегося из-за краёв чёрной бумаги. Но вот в двух окнах второго этажа свет потух, и кто-то изнутри отворил одно окно, потом другое. Невидимый, он стоял в темноте комнаты у окна — Серёжка чувствовал это. Потух свет и в некоторых окнах первого этажа, и эти окна тоже распахнулись.

— *Wer ist da?* — раздался начальственный голос из окна второго этажа, и Серёжка смутно различил силуэт фигуры, перегнувшейся через подоконник. — Кто там? — снова спросил этот голос.

— Лейтенант Мейер, Негг полковник, — ответил юношеский голос снизу.

— Я не советовал бы вам открывать окна в нижнем этаже, — сказал голос наверху.

— Ужасная духота, Негг полковник. Конечно, если вы запрещаете...

— Нет, я совсем не хочу, чтобы вы превратились в духовую говядину. *Sie brauchen nicht zum Schmorbraten werden*, — смеясь, сказал этот начальнический голос наверху.

Серёжка, не понимая, с бьющимся сердцем прислушивался к немецкой речи.

В окнах гасили свет, подымали шторы, и окна открывались одно за другим. Иногда из них доносились обрывки разговора, кто-то насвистывал. Иногда кто-нибудь чиркал спичку, осветив на мгновение лицо, папиросу, пальцы, и потом огненная точка папиросы долго ещё видна была в глубине комнаты.

— Какая огромная страна, ей конца нет, *da ist ja keine Ende abzusehen*, — сказал кто-то у окна, обращаясь, должно быть, к приятелю своему в глубине комнаты.

Немцы ложились спать. Всё затихло в здании и в городе. Только со стороны Верхнедуванной, прорезая резким светом фар ночное небо, ещё двигались машины.

Серёжка слышал биение своего сердца, — казалось, оно стучит на весь чердак. Здесь было всё-таки очень душно. Серёжка весь вспотел.

Здание треста с открытыми окнами, погружённое во тьму и сон, смутно вырисовывалось перед ним. Он видел зияющие тьмой отверстия окон вверху и внизу. Да, это нужно было делать сейчас. Он сделал несколько пробных движений, чтобы вымерить возможный размах и хоть приблизительно прицелиться.

Бутылки, которые он сразу, как пришёл сюда, вынул из карманов и из-за пазухи, стояли сбоку от него. Он нащупал одну из них, крепко сжал её за горлышко, примерился и с силою пустил в нижнее растворенное окно. Ослепительная вспышка озарила всё окно и даже часть улочки между зданием треста и зданием школы, и в то же мгновение раздался звон стекла и лёгкий взрыв, похожий на то, как будто разбилась электрическая лампочка. Из окна вырвалось пламя и дикий, пронзительный, нечеловеческий вой. В то же мгновение Серёжка бросил в это окно вторую бутылку — она разорвалась в пламени с сильным звуком. Пламя уже бушевало внутри комнаты, горели рамы окна, и языки его высыва-

лись вверх по стене, едва не до второго этажа. Кто-то отчаянно выл и визжал в этой комнате, крики раздавались по всему зданию. Серёжка схватил третью бутылку и пустил её в окно второго этажа напротив.

Он слышал звук, как она разбилась, и видел вспышку, такую сильную, что вся внутренность чердака осветилась, но в это время Серёжка был уже далеко от окна — он был уже у выхода на чёрную лестницу. Стремглав пронёсся он чёрной лестницей и, не имея уже времени разыскивать в темноте класс, где было выдавлено окно, он вбежал в ближайшую комнату, — кажется, это была учительская, — быстро распахнул окно, выпрыгнул в парк и, пригибаясь, побежал в глубину его.

С того момента, как он бросил третью бутылку, и до того момента, как он осознал себя бегущим по парку, он всё делал инстинктивно и вряд ли мог бы восстановить в памяти, как всё это происходило. Но теперь он понял, что надо упасть на землю и полежать одно мгновение тихо и прислушаться.

Слышно было, как мышка шуршит где-то неподалёку от Серёжки в траве. С того места, где он лежал, он не видел пламени, но оттуда, с улицы, доносились крик и беготня. Он вскочил и пробежал ещё дальше, на самый край парка, к террикону выработанной шахты. Он сделал это на случай, если будут оцеплять парк, — отсюда он уже мог уйти при всех условиях.

Теперь он видел огромное, всё более распространявшееся по небу зарево, отбрасывавшее свой багровый отсвет даже на этот, далеко отстоящий от очага пожара старинный гигантский террикон и на макушки деревьев парка. Серёжка чувствовал, что сердце его расширяется и летит. Всё тело его содрогалось, он едва удерживался, чтобы громко не засмеяться.

— Вот вам, зетцен зи зих, шпрехен зи дейч, гебен зи этвас!..— повторял он с неопишным торжеством в душе этот набор фраз из школьной немецкой грамматики, пришедший ему на память.

Зарево всё разрасталось, скрашивая небо над парком, и даже сюда доносилась суматоха, под-

нявшаяся в центральной части города. Нужно было уходить домой.

Бесшумно скользя в темноте, Серёжка выбрался на зады деревянной улицы, перелез через заборчик в сад и уже собрался калиткой выйти на самую улицу, когда до него донёсся приглушённый говор людей возле самой калитки. Пользуясь тем, что немцы ещё не заняли деревянную улицу, жители, осмелев, вышли из своих домиков посмотреть на пожар. Серёжка, обогнув домик с другого конца, бесшумно перемахнул через забор и подошёл к калитке. Там стояла группа мужчин и женщин, освещённая заревом.

— Что это горит? — спросил он.

— А где-то на Садовой... А может быть, школа, — отвечал взволнованный женский голос.

ПОЧТА «ЛЕСНОЙ ГАЗЕТЫ»

ДОРОГОЙ МОЙ МУРЗИЛКА!

Я поймала жука и не знаю, как его зовут и чем его кормить. Он весь такой же, как жучок, которого называют «божья коровка». Только «божья коровка» красная с белыми горошками, а этот весь чёрный. Он весь, как «божья коровка», круглый (чуть побольше горошины), с шестью лапками и может летать. У него на спинке два крепких чёрных крылышка, а под ними нежные жёлтые крылья. Когда он летит, то выставляет жёлтые крылья и машет ими.

У него очень интересный вид самозащиты: как у черепахи. Когда он заметит какую-либо

опасность, то он прячет свои лапки куда-то на животик, усики и голову втягивает в себя и прячет. И когда его возьмёшь в руки, то ни за что не скажешь, что это жук. Больше всего в это время он похож на маленький чёрненький леденчик. Но когда пройдёт немного времени и его никто не будет трогать, то у него сначала высунутся все лапки, потом голова, а потом усики. Очень прошу Вас ответить, кто этот жук.

Люся

г. Киров.

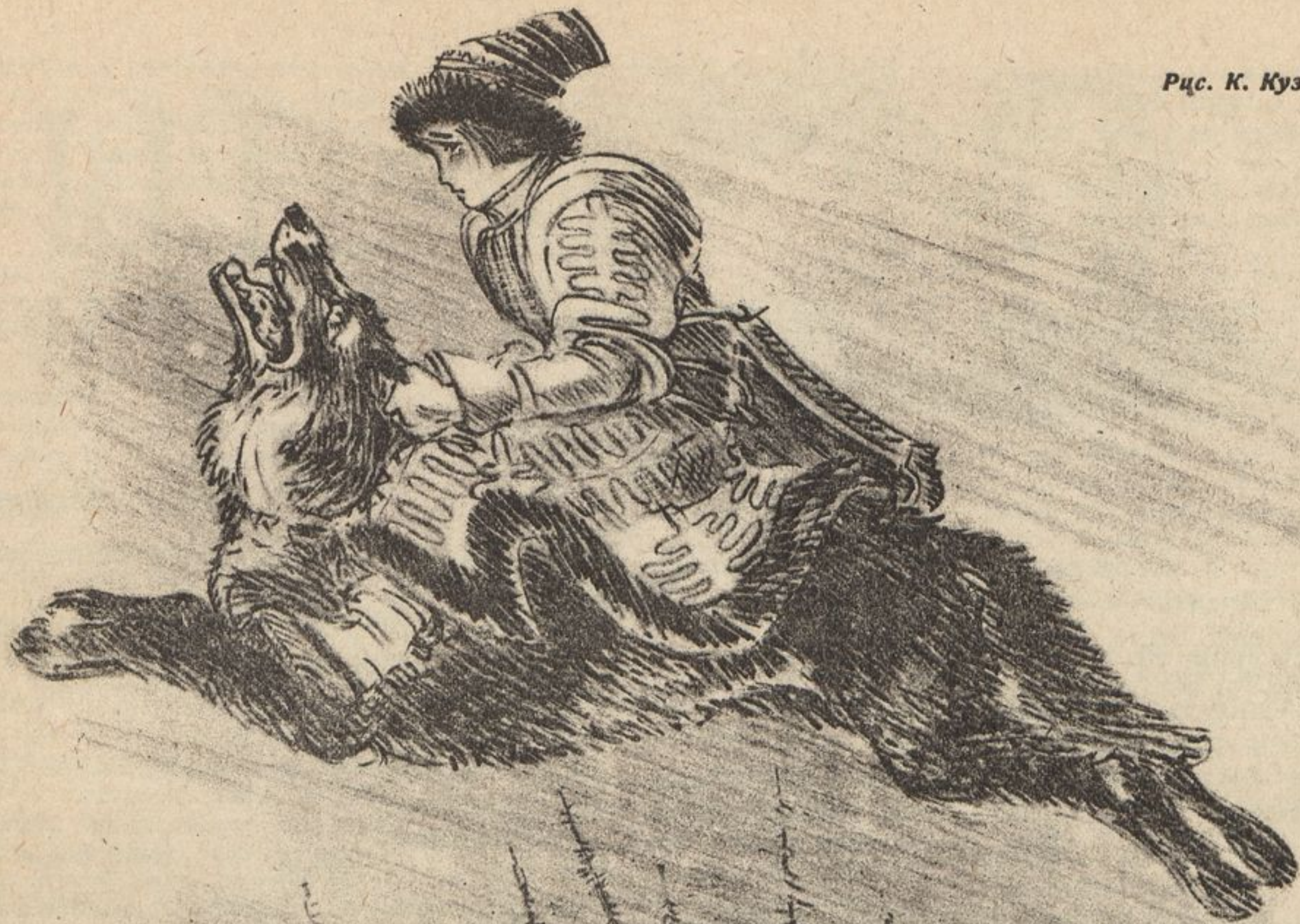
Дорогая Люся!

Ты так хорошо описала своего интересного жучка, что мы его сразу узнали. Это карапузик, жук-черепашка. Он и ходит медленно, как черепаха, и прячется сам в себя, как черепаха. У него в панцире нарочно такие углубления, куда он может втягивать ножки, голову и усики.

Есть чёрные карапузики, есть и других цветов. Все они едят всякую гниль и навоз.

Один карапузик — волосатенький, блестяще-жёлтый — живёт с муравьями, летает, куда ему вздумается, а потом возвращается домой — в муравейник. Там его никто не тронет: его друзья-муравьи — смелые воюки и хорошо защищают свой город.

Редактор «Лесной газеты»

Иван-царевич на сером волке.

Буква ТЫ

Л. ПАНТЕЛЕЕВ

Рис. Т. КОЗУЛИНОЙ

Учил я когда-то одну маленькую девочку читать и писать. Девочку звали Иринушка, было ей четыре года пять месяцев, и была она большая умница. За каких-нибудь десять дней мы одолели с ней всю русскую азбуку, могли уже свободно читать и «папа», и «мама», и «Саша», и «Маша», и оставалась у нас невыученной одна только, самая последняя буква— «я».

И тут вот, на этой последней буковке, мы вдруг с Иринушкой и споткнулись.

Я, как всегда, показал ей букву, дал ей как следует её рассмотреть и сказал:

— А это вот, Иринушка, буква «я».

Иринушка с удивлением на меня посмотрела и говорит:

— Ты?

— Почему «ты»? Что за «ты»? Я же сказал тебе: это буква «я».

— Буква «ты»?

— Да не «ты», а «я»!

Она ещё больше удивилась и говорит:

— Я и говорю: «ты»!

— Да не я, а буква «я».

— Не ты, а буква «ты»?

— Эх, Иринушка, Иринушка! Наверно, мы, голубушка, с тобой немного переучились. Неужели ты в самом деле не понимаешь, что это не я, а что это буква так называется: «я»!

— Нет,—говорит,—почему не понимаю? Я понимаю.

— Что ты понимаешь?

— Это не ты, а это буква так называется: «ты»!

Фу! Ну в самом деле, ну что ты с ней поделаешь?! Как же, скажите на милость, ей объяснить, что я—это не я, ты—

не ты, она—не она и что вообще «я»—это только буква?

— Ну, вот что,—сказал я наконец:—ну, давай, скажи как будто про себя: я. Понимаешь? Про себя? Как ты про себя говоришь?

Она поняла как будто. Кивнула. Потом спрашивает:

— Говорить?

— Ну-ну... конечно.

Вижу—молчит. Опустила голову. Губами шевелит.

Я говорю:

— Ну, что же ты?

— Я сказала.

— А я не слышал, что ты сказала.

— Ты же мне велел про себя говорить.

Вот я потихоньку и говорю.

— Что же ты говоришь?

Она оглянулась и шопотом—на ухо мне:

— Ты!..

Я не выдержал, вскочил, схватился за голову и забегал по комнате.

Внутри у меня уже всё кипело, как вода в чайнике. А бедная Иринушка сидела, склонившись над букварём, искоса поглядывала на меня и жалобно сопела. Ей наверно, было стыдно, что она такая беспомощная.

Но и мне тоже было стыдно, что я—большой человек—не могу научить маленького человека правильно читать такую буковку, как буква «я».

Наконец я придумал всё-таки. Я быстро подошёл к девочке, ткнул её пальцем в нос и спрашиваю:

— Это кто?

Она говорит:

— Это я.

завтра, а сегодня — это только так, нарочно. Потом старики начали рассказывать про свою охоту. Слово за слово — и пошли припоминать, кто где бывал, что видел.

Давно покончили с похлёбкой и чаю напились, но у стариков находились всё новые и новые рассказы.

Ребята чаще всего верят каждому слову охотников. А взрослые послушают, послушают, да и рассмеются:

— Ну, это охотничьи рассказы!

Сказки, значит. И уж ни слову охотника не верят.

Кто прав — ребята или взрослые?

Мы думаем так: охотник на охоте очень волнуется, ему всё на охоте не так видится, как другому, спокойному человеку. Ну и вообразит себе лишнее. Потом, когда станет рассказывать, частенько, что называется, и пересолит. Так уж и пошла за всеми охотниками слава: дескать, не могут не прирать. А их удивительные рассказы часто бывают чистой правдой.

Вот, к примеру, три рассказа охотников, сидевших у костра с Ваней.

Попробуй, читатель, сам разберись, где тут правда, где сказка. И нам в «Лесную газету» напиши, как ты думаешь.

Три удивительные птицы

Первый охотник начал так:

— По водоплавающей, — говорит, — дичи я до прошлого года вовсе никогда не охотился, только по боровой. Места, где жил, всё сухопутные попадались, да и прельщала меня всегда больше боровая, «красная» дичь — тетерев там, где вальдшнеп, а не утка.

А вот прошлым летом довелось мне на севере побывать, в озёрном краю. И вот на одном озере сидел я, уток караулил на перелёте. В лодке сидел. Кругом камыши, а между ними вода чистая-чистая, каждая соринка на дне видна. Солнце уже взошло.

Загляделся я на эту ясную воду. И вдруг вижу: летит в ней птица. Не то что плывёт, а просто-таки летит в глубине, крыльями машет, ну, как по воздуху. И большая птица: с гуся будет. Только не гусь: нос тонкий и острый, сама пёстрая.

Так я на неё загляделся, что и о руге забыл. Спихватился, да поздно: она до камышей долетела, всё так, в глубине, и там пропала. Да и как бы я её стал стрелять, под водой-то? Вот и не знаю, что за подводная такая птица.

— Да, — сказал второй охотник, — я как раз много по водоплавающей птице охотился, а такого никогда не видел. Лучшие пловцы и ныряль-

щики — чомги называются, — и те под водой лапами гребут и правят ими, как рулём, а не летят.

А вот видел я, как такая чомга-нырец маленьких своих детишек спасала.

Тоже на озере было. Я выехал на лодке из-за стены камыша и прямо чуть в её гнездо носом не ткнулся. Гнездо у неё пловучее, из камыша и травы. И птенчики тут маленькие — четыре штуки, только из яиц.

Чомга, как увидела меня, разом подхватила их под крылья — и нырк в воду! Только я их видел.

Тогда третий охотник сказал:

— А я уж всему удивляться перестал, как на Сиваше побывал.

Представьте, живёт там большая утка — прямо с гуся будет, галагаз называется.

Так вот, хотите — верьте, хотите — нет, эта самая утка, как найдёт лисью нору, так лису съест, а сама в её норе яйца положит и птенцов выведет.

Сам своими глазами две такие норы видел: от лисы только кости да куски шкуры в этих норах остались, а рядом — утка.

А рассказал бы мне кто прежде такое, я бы ему в лицо сказал:

«Вы мне, батенька, охотничьих рассказов не рассказывайте, я сам охотник».

Мальчик слушал не отрываясь. А забытый всеми костёр то вспыхивал, то гас, потом задымил, задымил—и сквозь дым вдруг обозначились над головами охотников лапы елей, листья спящей осины, а ещё выше—подмигивающие с тёмного

неба звёзды. Тут заплакал на озере кулик. Ваня поднялся и с удивлением увидел сквозь частые стволы деревьев розовеющую воду: заря уже занималась. Как это и спать не захотелось всю ночь? Пора начинать утреннюю охоту. Охотни-

ки затушили костёр, собрались и пошли.

Быть Ване после этой ночи, полной нескончаемых и чудесных, как «Тысяча и одна ночь», охотничьих рассказов, быть ему всю жизнь охотником.

Александр Яковлев

ЧТО Я ВИДЕЛ В ЛЕСУ

После обеда я пошёл в лес за грибами да и заблудился.

Пришлось в лесу заночевать.

Я выбрал место посуше, между двумя старыми соснами, наломал молодых еловых ветвей, сделал из них постель, потом закутался в пиджак и лёг.

«Летняя ночь короткая, пройдёт скоро», утешал я себя.

В лесу было совсем тихо. Ни птицы не пели, ни звери не кричали, ни ветер не шумел. Только где-то очень далеко гукала сова. Незаметно я заснул. И вот сквозь сон слышу: недалеко от меня лает собачонка тоненьким и звонким голоском.

«Откуда здесь собака?» удивился я и осторожно поднялся.

В лесу уже начинался рассвет, и верхушки деревьев были видны каждая отдельно. Маленькая собачонка лаяла недалеко. Она лаяла задорно. Она то приближалась ко мне, то удалялась опять. Точно так лает гончая собака, когда гонит зайца или лису. Я долго слушал лай.

В лесу с каждой минутой становилось светлее, и мне пора было идти к дому. Я взял корзину и пошёл вдоль оврага. Собачонка лаяла где-то слева от меня. Мне захотелось посмотреть на неё. Я пошёл на её голос. Впереди лес посветлел, и шагов через пятьдесят я вышел на небольшую поляну. В середине поляны росла группа молодых ёлок.

Впереди всё небо было залито красным светом зари.

Собачонка лаяла в лесу где-то совсем близко. Я спрятался за крайнее дерево.

«Подожду, не выбежит ли собачонка на поляну!»

Очень мне хотелось посмотреть на неё.

Вот лай стал приближаться. Вдруг на поляну выскочил небольшой серый заяц и стрелой помчался прямо к молодым ёлкам, что росли среди

поляны. Вслед за зайцем выскочила лиса. Это она так звонко лаяла...

Увидев на поляне зайца, она завизжала. Заяц подбежал к ёлкам и уже хотел нырнуть под их нижние ветки. Но тут из-под крайней ёлочки наперерез зайцу выскочил сперва один лисёнок, потом другой. Заяц махнул в сторону и в один момент скрылся в лесу. Со всего разбега старая лиса подбежала к лисёнку, схватила его за загривок, трепанула, отбросила в сторону. Лисёнок завизжал, виновато прижал уши. А старая лиса помчалась вслед за зайцем.

Минуты две оба лисёнка стояли неподвижно, слушая, как удалялся лай. Они были похожи на котят с пушистыми хвостами. Их длинные уши торчали прямо вверх.

Я всё стоял, притаившись за деревом. Лисята меня не видели и не чуяли. Они, насторожив уши, слушали лай. Вот стало слышно, как лай повернул в нашу сторону. Лисята, точно по команде, спрятались в траву. Были видны только концы их ушей.

Лай постепенно приближался, и через несколько минут на поляну опять выбежал тот же заяц, а за ним очень близко лиса. Заяц бежал старой дорогой, мимо ёлок. Лисята оба вместе прыгнули к нему. Заяц метнулся в сторону, но старая лиса скакнула прямо на него, схватила зубами за спину. Заяц пронзительно заверещал. Лисята вместе с матерью вцепились зубами в него. Я схватил палку, выбежал на поляну, закричал во всё горло. Лиса оглянулась на меня, фыркнула, выпустила из зубов зайца, шмыгнула в лес. Лисята — за нею.

Покусанный заяц лежал на траве. Он весь дрожал, ноги подёргивались. Я хотел его поднять. Но едва наклонился, как он вскочил и огромными прыжками ускакал в лес.

Я понял, что старая лисица приучала своих детей ловить зайцев. А трепала она своего лисёнка за то, что он сделал промах...

ЗАГАДКИ

П

оле не мерено,
Овцы не считаны,
Пастух рогатый.

Ч

ёрен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт.
Летит—воет,
Сядет—землю роет.

С

еровато, зубовато,
По полю рыщет,
Телят, ребят ищет.

М

аленький, беленький
По лесочку прыг-прыг!
По мосточку тык-тык!

МОРСКОЙ ОХОТНИК

Рис. М. БУТРОВОЙ

Н. ЧУКОВСКИЙ

НА РОДНОМ БЕРЕГУ¹

Грохот боя катера с подводной лодкой Макар Макарыч и Катя слышали, поднимаясь в темноте по узкой крутой тропинке. Гулкое эхо гор много раз повторяло каждый звук и разносило его по всему побережью. При каждом взрыве вспышка света озаряла горы до самых вершин, и небо непрерывно мерцало. Бешеное кружение прожекторов было похоже на пляску великанов.

Катино тёмное платье, тёмные её волосы были почти не видны; слегка белели только её босые ноги. Эти ноги ступали быстро и уверенно, и Макар Макарыч не без труда поспевал за ними.

Тропинка становилась всё круче и уже, она вилась по крутому склону. Правым плечом они всё время задевали за камни, слева была почти отвесная пропасть.

Чем выше они поднимались, тем чаще вспоминала Катя о пещере.

— Я открыла её очень давно, когда мне было восемь лет, — рассказывала она Макару Макарычу. — Сначала я играла в хозяйство. В одном углу у меня была кухня, в другом — столовая. Я готовила моим куклам и кормила их. Были там у меня вырезанные из газеты скатерти с фестончиками, и салфетки, и веник, и ведро, — словом, всё, как у моей мамы. Но года через два эта игра мне надоела. Оттуда было видно море и проходившие

мимо корабли, и я стала следить за кораблями. А потом превратила свою пещеру в крейсер...

Она торопилась, ей не терпелось войти в пещеру как можно скорее. Там, в пещере, такой знакомой, встретит их Манин папа.

Беспорядочная пальба немецких береговых батарей по катеру давно уже умолкла. Опять наступила тишина, и в этой тишине стал слышен слабый гул. Это, безусловно, тоже был гул пальбы, но очень отдалённый.

Макар Макарыч несколько раз останавливался и прислушивался.

— Слышишь? — спросил он.

— Это там, у нас, за городом, — сказала Катя.

— Нет, не за городом, — сказал Макар Макарыч, подумав. — Тут пальба за городом не слышна. Это здесь, за горами. — И, помолчав, прибавил: — Всё-таки странно... Здесь, за горами, как будто ничего не должно быть...

Но до пещеры было уже совсем недалеко. Катя его торопила, он сам торопился, и у него не было времени об этом раздумывать.

Перед входом в пещеру оказалась довольно большая ровная площадка, висевшая над пропастью. Это был скалистый уступ на склоне горы, благодаря которому огонь, горевший в пещере и хорошо видный далеко в море, не был виден внизу, на побережье. Вход в пещеру был узок и невысок, но Макар Макарыч, взойдя на площадку, сразу заметил его, потому что оттуда струился красноватый свет. Катя шла впереди и направилась прямо к свету. Макар Макарыч не хотел, чтобы она вошла в пещеру первая, и очень заторопился. И вышло так, что они одновременно вбежали в пещеру.

В пещере, у самого входа, наткнулись они на кучу тлеющих углей. Недавно здесь пылал большой костёр, но он успел догореть, и даже угли по краям уже темнели.

Пещера оказалась настолько просторной, что красный свет остывающих углей не мог озарить её всю. Макар Макарыч видел только низкий каменный свод над самым костром и две ближайшие стены. Далеко ли тянется пещера и что делается там, в тёмном конце её, он не знал. Да он, признаться, и не задумывался над этим, его поразило другое: в пещере, возле потухающего костра, не было капитан-лейтенанта.

¹ Начало см. в журн. «Мурзилка» №№ 1, 2—3, 4, 5—6 и 7.

ВОДА НЕ УСПЕЛА ОСТЫТЬ

В пещере не было капитан-лейтенанта, и Макар Макарыч растерялся. Направляясь сюда, он так верил, что найдёт здесь своего командира, что теперь, когда пещера оказалась пустой, он испытал такую боль, словно потерял его вновь. Ничто больше его здесь не занимало. Он присел перед костром на корточки, протянул над углями свои большие руки и опустил голову.

Катя была потрясена ещё больше. Она-то уж совсем не сомневалась, что Манин папа должен быть здесь, и, не видя его, не верила своим глазам. Не могла же она поверить, что всё, совершённое ею за эту ночь: и разгадка таинственных слов раненого краснофлотца, и бегство на Песчаную косу, и белый ялик, и стремительное плавание на катере, и блуждание в темноте по захваченному немцами берегу, — всё зря, всё ошибка.

— Нет, Макар Макарыч, он сейчас сюда придёт... Он только на минуточку вышел...

Она боялась лишь одного: как бы Макар Макарыч не увёл её отсюда сразу. Ведь это её пещера, которую она так долго не видела. Вон на стене до сих пор висит её морская карта — вырванная из школьного атласа карта Тихого океана. Кате она всегда нравилась потому, что на ней так много голубого и так мало зелёного, — только вода, почти никакой суши. Она вся исчерчена карандашом от острова к острову, — это следы Катиных морских путешествий на крейсере «Победитель»... А что это валяется там, под стеной? Это её тряпичные куклы — матрос и негр. Да они совсем развалились, их узнать нельзя!

— Смотрите, Макар Макарыч, котелок!

Красноармейский котелок с выгнутым боком, полный воды стоял у стены. Макар Макарыч поднялся, подошёл к котелку и нагнулся над ним.

— Это котелок Володи Казаченко, — сказал он уверенно. — У нас на катере один только Казаченко всюду таскал с собой котелок...

— И вода совсем горячая, — сказала Катя, сунув в воду палец. — Манин папа только что грел себе воду. Я говорила вам, что он где-то здесь, недалеко. Он сейчас придёт... Смотрите, вот его фуражка!

Действительно, на земле лежала офицерская флотская фуражка, поблёскивая золотой эмблемой с маленьким якорьком посередине. Макар Макарыч поднял её, и лицо его засветилось от радости.

Он поднёс фуражку к костру, чтобы лучше её рассмотреть. Он любовно и внимательно вертел её в руках. И вдруг побледнел. С тихим стоном отшатнулся он от костра.

— Что с вами, Макар Макарыч?

— Он больше сюда не вернётся... — сказал Макар Макарыч. — Видишь эту дырочку сбоку? Это след от пули. Видишь эти бурые пятна внутри? Это его кровь. Его убили перед самым нашим приходом сюда. Мы с тобой опоздали всего на несколько минут. Вода в котелке ещё не успела остыть...

Макар Макарыч забыл обо всём. Он помнил только, что убит его капитан-лейтенант, его командир, который даже отсюда, беспомощный, окружённый врагами, продолжал командовать своим катером. Он думал о капитан-лейтенанте, стоя над медленно остывающими углями, и по морщинистому лицу его, словно вырезанному из тёмного дерева, текли светлые капли.

«БЕГИ!»

Вдруг до него донёсся лёгкий шорох. Он поднял голову. В этот же миг раздался пронзительный крик Кати. Четыре немца, крадучись, двинулись к костру из глубины пещеры.

Макар Макарыч сорвал со своего пояса гранату и швырнул её. Грохот взрыва гулко прокатился по пещере. Немцы упали.

Макар Макарыч упал тоже и, схватив Катю за руку, повалил её рядом с собой. Между ними и немцами были только остывающие угли костра. Макар Макарыч — ногами вперёд, животом вниз — пополз к выходу из пещеры, волоча за собой Катю. Он старался как можно скорее скрыться в темноте. Он полз, не спуская глаз с немцев.

Три немца зашевелились. Прижимаясь как можно плотнее к земле, они смотрели через потухающий костёр, один даже приподнял свою винтовку. Но Макар Макарыч и Катя были уже у самого входа, во мраке.

— Беги к Большим камням, — шепнул Макар Макарыч. — Я задержу их. У меня есть ещё одна граната.

— Но, Макар Макарыч...

— Беги, тебе говорят! — прошептал Макар Макарыч свирепо.

Катя больше не спорила. Он услышал позади себя её удаляющиеся шаги.

Немец, приподнявший винтовку, выстрелил, но наугад. Пуля ударилась в камень рядом с Макаром Макарычем.

Макар Макарыч вскочил и швырнул вторую гранату, последнюю. Когда раздался взрыв, он был уже на площадке перед пещерою. Он осмотрел её, насколько позволяла темнота, и с радостью убедился, что Кати здесь нет.

Он не знал, что стало с немцами после второго взрыва. Быть может, они целы и сейчас кинутся за ним в погоню. И, чтобы Катя успела уйти как можно дальше, Макар Макарыч не побежал вниз по тропинке, а полез прямо вверх по крутому склону, через заросли ежевики.

БОЛЬШИЕ КАМНИ

Небо на востоке слегка побледнело. Ещё сияли звёзды, ещё лунный серп был отчётлив и ярк, а уже еле приметный серовато-розовый отсвет ложился на волны, на камни, проникал даже в угрюмое загороженное утёсами место, которое моряки называли Большими камнями.

У подножья высокой горы, спускавшейся к самому морю, из воды торчали чёрные скалы, словно кинутые туда рукой великана.

Между этими скалами было множество извилистых проходов, трещин, ущелий, в которых всегда клокотали, бурлили и пенились волны. В одном из этих ущелий стоял катер «Морской охотник», скрытый скалами со всех сторон.

В конце ночи ветер вдруг утих, но волны были

ещё сильны и огромны. Они разбивались о скалы далеко от того места, где стоял катер, однако докатывались и сюда, и катер то взлетал, то падал. В катере, в маленькой своей каютке, перед маленьким зеркальцем сидел лейтенант Корольков и брился. Постороннему человеку было бы жутко смотреть, как он касался острой бритвой своего горла, когда швыряло то вправо, то влево.

Он брился, и из зеркальца на него весело глядели его глаза. Это было самое счастливое утро его жизни. Он потопил немецкую подводную лодку и, бритый, подтянутый, сейчас будет рапортовать об этом своему командиру, капитан-лейтенанту Снегирёву, которого вот-вот приведёт сюда из пещеры боцман Макаров. Он подойдёт к капитан-лейтенанту и скажет: «Товарищ капитан-лейтенант, ваше приказание выполнено». Капитан-лейтенант поднимет одну бровь и спросит: «Какое приказание, Корольков?» — «Вы зажгли огонь в пещере, — ответит Корольков, — и тем самым приказали мне ворваться в бухту и потопить неприятельскую подводную лодку. Подводная лодка потоплена».

Что он мне на это скажет?—думал Корольков.—Он мне скажет: «Меньшего я от вас и не ждал, Корольков» Или нет, он скажет: «В этот час, когда наши доблестные войска перешли в наступление и гонят проклятого врага, вы оправдали моё доверие». Нет, он не станет говорить так длинно. Он просто скажет: «Спасибо, Корольков!» Он всегда просто говорит «спасибо», когда доволен.

После стольких дней сомнений, неуверенности, напрасного ожидания у Песчаной косы дерзко ворваться в укрепленную бухту врага, потопить неприятельскую подводную лодку и услышать «спасибо» от своего капитан-лейтенанта! Разве это не счастье?

Корольков очень боялся, как бы капитан-лейтенант не явился раньше, чем он успеет добриться. Побрившись, он с удовольствием вытер бритву и вышел на палубу.

«Светает,— подумал он.— Пора им вернуться».

Он прислушался. Сквозь шум волн услышал он тот же звук, который слышал Макар Макарыч, подходя к пещере, — отдалённый гром орудий. И так же, как Макар Макарыч, заметил он, что гром этот раздаётся из-за гор — оттуда, где вчера было тихо.

«Наши ночью перешли в наступление и гонят немцев за горами!» подумал он. И опять вспомнил о потопленной немецкой подводной лодке. Как удачно вышло, что он её потопил! Оставаясь здесь, на фланге наших наступающих войск, она могла бы наделать много бед.

— Эй, на скале! — крикнул он. — Смотрите хорошенько!

На верхушке скалы, над катером, он выставил пост, который должен был предупредить его заранее о приближении капитан-лейтенанта.

— Есть смотреть хорошенько! — ответили со скалы.

На скале лежали кок и комендор. Они оба не отрываясь смотрели на берег, смутно различив

мый в сумерках. Белый ялик давно уже привели к Большим камням и подняли на катер. Капитан-лейтенант, Макар Макарыч и Катя должны были притти сюда по берегу.

— Гляди, там кто-то идёт! — сказал комендор.

— Они? — спросил кок.

— Нет. Разве не видишь? Один человек.

— Один?

Кок вскинул свой автомат и прицелился.

— Оставь! — сказал комендор. — Это наш старый краб!

Теперь уже и кок ясно видел Макара Макарыча, который шёл к ним, медленно перелезая со скалы на скалу.

— Почему же он один?

— Не знаю...

— Надо доложить лейтенанту...

Но Корольков уже был рядом с ними на скале и всё видел сам. Макар Макарыч шёл неуверенно, словно пьяный, спотыкаясь и покачиваясь на каждом шагу. Иногда он останавливался и большой своей ладонью вытирал лоб. Потом снова упорно шёл к катеру.

— Уж не ранен ли он? — сказал кок.

Тут Макар Макарыч вдруг сел на скалу и опустил голову в колени. Прыгая с камня на камень, они побежали к нему все трое: Корольков, комендор и кок.

— Макар Макарыч! — сказал Корольков и положил руку ему на плечо.

Макар Макарыч поднял голову. Увидев Королькова, он начал медленно вставать на ноги.

— Сидите, сидите! — закричал на него Корольков. — Что с вами?! Вы ранены?

— Нет, цел... — сказал Макар Макарыч. — Кружится и кружится...

— Что кружится?

— Всё кружится... Море кружится, и берег кружится... Кружится и кружится...

Казалось, он не совсем ясно сознавал, что происходит и где он находится.

— Отчего ж это с вами, Макар Макарыч? — робко спросил кок.

— Оттого, что я спрыгнул с горы, — ответил Макар Макарыч. — Я покати́лся по склону... И теперь всё кружится...

— Зачем же вы прыгали с горы?

— А чтобы они меня не поймали.

— Вас ловили? — спросил Корольков.

— Ловили.

— Кто?

— Немцы. Они гнались за мною, а я лез всё выше и выше, стараясь завести их как можно дальше. Потом прыгнул с горы и покати́лся, покати́лся... Они меня потеряли, но с тех пор всё кружится...

— Но вы были в пещере? Вы видели капитан-лейтенанта?

Лицо Макара Макарыча стало угрюмым.

— Ну, это вам уже известно... — сказал он. Все были поражены таким странным ответом.

— Что это он говорит? — спросил кок шопотом. — Откуда нам может быть известно?

— Он путается, — тихонько сказал ему Корольков. — У него кружится голова.

Макар Макарыч вдруг засунул руку себе за пазуху и вытащил фуражку капитан-лейтенанта.

— Вот, — сказал он, протянув её Королькову.

Корольков сразу заметил дырочку в фуражке и понял, что она означает. Нет, никогда не придётся ему рапортовать капитан-лейтенанту, что подводная лодка потоплена. Он вытянулся и обнажил голову. Макар Макарыч встал и тоже обнажил голову. Тогда и комендор и кок догадались, что произошло. Долго они стояли вчетвером с обнажёнными головами под медленно светлеющим небом, думая о своём погибшем командире.

— Что же было с вами дальше? — спросил наконец Корольков.

— Они хотели взять нас живьём, но я бросил гранату... — сказал Макар Макарыч. — Да ведь вы всё знаете сами...

— Вы немножко путаетесь, Макаров, — сказал Корольков. — Но это ничего... Это оттого, что у вас кружится голова...

— У меня больше не кружится голова, — возразил Макар Макарыч.

— Отчего же вы думаете, что мы всё знаем?

— Оттого, что она вам всё рассказала.

— Кто она?

— Девочка, которая ходила со мной.

Он, очевидно, о чём-то стал догадываться по лицу Королькова, потому что вдруг воскликнул:

— Нет, нет, вы меня не пугайте!.. Я сделал всё, чтобы дать ей время убежать! Немцы погнались за мной, и я целый час таскал их в темноте по кручам. А когда они стали меня настигать, я прыгнул вниз. Я катился, и камни катились вместе со мной, и били меня, а я думал: «Ничего, ничего, зато девочка давно на катере и лейтенант уложил её спать...»

Он замолчал, со страхом глядя в лицо Королькову.

— Не было её здесь, Макар Макарыч, — сказал Корольков. — Не приходила она сюда. Её, конечно, схватили по дороге...

Стало совсем светло, и катер не мог больше оставаться у захваченного врагами берега. Корольков вывел его из угрюмых ущелий Больших камней и повёл в простор моря, навстречу восходящему из воды горячему солнцу.

Это было самое несчастное утро в его жизни.

(Окончание следует)

На обложке рис. В. Лебедева «В лесу». Ребята! Придумайте рассказ к этому рисунку.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

ГДЕ СПРЯТАЛСЯ ДРЕССИРОВЩИК?

Год издания двадцать второй

Цена 1 руб.

Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Редколлегия: С. М. АЛЯНСКИЙ, А. П. БАБУШКИНА (отв. редактор), В. В. БИАНКИ, Ю. А. ВАСНЕЦОВ, В. В. ЛЕБЕДЕВ, С. В. МИХАЛКОВ, А. А. ПОКРОВСКАЯ, К. А. ФЕДИН, И. И. ХАЛТУРИН, К. И. ЧУКОВСКИЙ, Е. Л. ШВАРЦ. Техред. З. ТЫШКЕВИЧ.
 Адрес редакции: Москва, Новая площадь, 6. Тел. К-0-48-25. Подписано к печати 3/VIII 1945 г. А 20612. Объем 2,5 печ. л. 2,8 уч.-изд. л. 32 000 зн. в печ. л. Тираж 105 000 экз. Заказ № 1085.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкинига» Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.